

УДК 94(477).08

ББК 63.3(4Укр)64

Проблема региональной идентичности как фактор общественно-политического кризиса на Украине 2004 г.*

А.О. Наумов¹, А.Ю. Наумова²

¹Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова (Москва, Россия)

²Центр общественно-политических и международных исследований АНО «Прометей» (Москва, Россия)

The Problem of Regional Identity as a Factor in the Socio-Political Crisis in Ukraine in 2004

A.O. Naumov¹, A.Y. Naumova²

¹ Lomonosov Moscow State University (Moscow, Russia)

² Center for Socio-Political and International Studies «Prometheus» (Moscow, Russia)

Статья посвящена изучению роли фактора региональной идентичности в развитии общественно-политического кризиса на Украине осенью–зимой 2004 г., более известного в научной литературе как «оранжевая революция». Анализу подвергается противоречивое историческое прошлое территорий, которые объединила получившая в 1991 г. независимость страна, и его влияние на развитие процессов в области национально-государственного строительства современной Украины. Рассматриваются попытки украинских властей разработать единую национальную идею на основе концепций «украинскости», «соборности», унитарности. Ведущую роль в этом процессе играли выходцы из самых крайних западных областей, имевших собственную, порой радикально отличавшуюся от других регионов страны, трактовку вопросов исторической памяти. Однако именно их подходы стали стержнем политических, идеологических и культурных матриц национально-государственного строительства. В практическом плане это означало проведение политики украинизации, особенно в сфере образования, что вызывало недовольство жителей русскоязычных регионов. Авторы приходят к выводу, что нерешенная за годы независимости проблема региональной идентичности сыграла важную роль в ходе «оранжевой революции», закончившейся неконституционной сменой власти в этой восточноевропейской стране.

Ключевые слова: Украина, «оранжевая революция», регионализм, этнонациональная политика, региональная идентичность, историческая память.

DOI: 10.14258/izvasu(2021)3-07

The article is devoted to the role of regional identity in the development of the socio-political crisis in Ukraine in autumn and winter of 2004, known in scientific literature as the “Orange revolution”. The authors analyze the controversial historical past of the territories that were united by the country that gained independence in 1991, and its influence on the development of processes in the field of national-state construction of modern Ukraine. The article considers the attempts of the Ukrainian authorities to develop a single national idea based on the concepts of “ukrainianness”, “sobornost” and unitarity. The leading role in this process was played by the most extreme western regions, which had their own, sometimes radically different from other regions of the country, interpretation of issues of historical memory. In practical terms, this meant the implementation of a policy of Ukrainization, especially in the field of education, which caused discontent among residents of Russian-speaking regions. The authors conclude that the unresolved problem of regional identity during the years of independence played an important role during the “Orange revolution”, which ended with an unconstitutional regime change in this Eastern European country.

Key words: Ukraine, “Orange revolution”, regionalism, ethno-national politics, regional identity, historical memory.

* Исследование выполнено при поддержке Междисциплинарной научно-образовательной школы Московского университета «Сохранение мирового культурно-исторического наследия».

В конце 2004 г. на Украине произошла неконституционная смена власти. Как и в случае похожих событий в Сербии, Грузии и Киргизии в 2000–2005 гг., получивших в научной литературе название «цветные революции», возникновение глубокого общественно-политического кризиса на Украине в ходе президентских выборов в октябре–ноябре 2004 г. было обусловлено целым рядом объективных и субъективных факторов [1, 2]. В данной статье мы хотели бы остановиться на одном из них, который в этом ракурсе пока не привлекал серьезного внимания исследователей вопроса, а именно: проблеме региональной идентичности.

Украина — уникальная в своем роде европейская страна с точки зрения национальной идентичности, региональных и конфессиональных различий, которые своими корнями уходят глубоко в историю. Территория, которую занимает современная Украина, на протяжении столетий была разделена между различными центрами силы Старого Света. Эти земли неоднократно оказывались в зоне постоянных территориальных претензий более сильных и успешных в области национально-государственного строительства соседей, захватывались и перераспределялись между ними. На протяжении столетий на ее территории шло интенсивное взаимодействие сразу трех мировых цивилизаций — восточно-православной, западно-христианской и исламской.

Обычно принято выделять четыре макрорегиона Украины — западный, центральный, южный и восточный. Данное деление носит несколько условный характер (притом, что в каждом из них наблюдается высокий уровень разнообразия), но все же отражает различную историческую судьбу украинских земель после распада единой Киевской Руси в начале XII в.

Западный регион Украины (Галиция, Волинь, Буковина и Закарпатье) совсем недолго пробыл на грани оформления собственной государственности, так как почти сразу стал «яблоком раздора» между Польшей, Великим княжеством Литовским и Венгрией. Последняя присоединила к себе Закарпатье еще в XI в., большая же часть остальных территорий в итоге оказалась под властью Польши, а после разделов Речи Посполитой в конце XVIII в. в составе Австрийской империи. В период между двумя мировыми войнами украинские земли к западу от Днепра принадлежали Польше (Галиция), Чехословакии (Подкарпатская Русь) и Румынии (Северная Буковина). Важно отметить, что вплоть до 1939 г. эти земли никогда не находились под властью Москвы.

Центральная Украина — неофициальный термин для обозначения региона, который включает в себя столичный Киев и современные Винницкую, Днепропетровскую, Кировоградскую, Полтавскую и Черкасскую области. Центральный

регион с XIII в. находился под влиянием Золотой Орды, передавшей на основе кондоминиума значительную территорию Поднепровья в управление Великого княжества Литовского. Затем по итогам Люблинской унии 1569 г. эти земли стали принадлежать Речи Посполитой. После Переяславской рады 1654 г. большая часть современной центральной Украины, расположенной на левом берегу Днепра (Гетманщина), а в 1686 г. и Киев вошли в состав Российского государства.

Южный и восточный регионы Украины уместно рассматривать в рамках определенной исторической связки. Что касается входивших в состав Киевской Руси территорий между Днестром и Прутом, то большая их часть в итоге оказалась в пределах Молдавского княжества, которое, в свою очередь, находилось в зависимом положении сначала от Польши, а с XVI в. от Турции. Крым же был поделен между Крымским ханством и генуэзскими колониями. Так продолжалось вплоть до 1475 г., пока полуостров не оказался захвачен османами. К восточным регионам принято относить Слобожанщину (Слободскую Украину с центром в Харькове) и Донбасс. Номинально эти земли оказались под контролем Московского государства еще во времена Средневековья. Однако территории современной южной, за исключением Крыма, и восточной Украины вплоть до конца XVIII в. подвергались постоянным набегам кочевников со стороны Великой Степи и потому оставались слабо заселенными (отсюда и появилось название Дикое поле). После успешных для России русско-турецких войн 1768–1774 и 1787–1792 гг. и создания Новороссии южные (Запорожье и Крым) и восточные (Слобожанщина и Донбасс) регионы стали объектом бурной колонизации выходцами из различных губерний Российской империи, в основном этническими русскими и украинцами.

Ряд исследователей в этой пестрой региональной мозаике не без оснований видят наличие двух разделительных линий, которые существовали на протяжении большей части украинской истории: одна — между севером и югом, другая — между востоком и западом. Первая появилась еще в Средние века, отделив Дикое Поле и Крым от остальной части Украины, сохраняя свою актуальность вплоть до конца XVIII в.; вторая была создана по итогам русско-польской войны 1654–1667 гг. в результате деления Украины на левобережную и правобережную части Днепра [3, р. 99].

Безусловно, такое «богатое» историческое прошлое не могло не сказаться на облике современной Украины. В результате нахождения различных территорий страны в составе Российской, Австро-Венгерской, Османской империй, Речи Посполитой, Великого княжества Литовского и еще нескольких

государств, формирование украинского этноса проходило в ходе сложных и длительных этносоциальных и этнополитических процессов при активном участии соседних народов [4, с. 255].

Данный факт обусловил значительные этнические, лингвистические, конфессиональные особенности граждан Незалежной, наличие разного, порой отличающегося друг от друга кардинально отношения к исторической памяти и внешнеполитической ориентации страны. На юге и востоке, например, традиционно проживала большая часть русских и доминировал русский язык. Вместе с Киевом эти регионы всегда были богаче, более урбанизированы и индустриализированы и менее религиозны, чем запад и центр. В плане конфессиональной принадлежности также существовала четкая дифференциация: католицизм как западного, так и восточного обряда оказался более распространен на западе страны (украинские греко-католики всегда составляли большинство населения в Галиции и Закарпатье), а в центральных, восточных и южных регионах основной религией стало православие. В отношении своего взгляда на историю и международную ситуацию регионы также очень глубоко разделены. Если на западе украинских националистов даже в советское время (негласно, конечно) воспринимали как героев и борцов за независимость, то на юго-востоке их считали преступниками и коллаборационистами; для центра же был характерен более индифферентный подход к проблемам исторической памяти. В области современной международной политики на западе и в центре страны уже на рубеже XX–XXI вв. находила живой отклик идея вступления в ЕС и НАТО, в то время как на юге и востоке интеграции в евроатлантические структуры однозначно предпочитали поддержание и сохранение социокультурных связей с Россией.

В 1991 г. впервые в истории на политической карте мира появилась Украина в ее современных границах. И сразу стало очевидно — новое независимое государство отчетливо разобщено. Множество исторически сложившихся противоречий между населением греко-католического и украиноязычного запада, смешанного центра и православного русскоязычного юго-востока, ранее находившихся в латентном состоянии, вышли на поверхность. На самом деле дезинтеграция проявилась сразу по нескольким основным направлениям: региональному (запад — восток), экономическому (аграрный северозапад и промышленный юго-восток), политическому (стремившийся к унитарному устройству страны запад и тяготевшие к федерализации восток и юг), конфессиональному (греко-католичество на западе и православие на востоке), языковому (украинский в западных областях и русско-украинское двуязычие в большинстве остальных областей страны), даже

ментальному (условно западноевропейскому и российскому самосознанию).

Действительно, после распада СССР и краха коммунистической идеологии как элиты, так и обычные граждане Незалежной оказались поставлены перед фактом: единой идеологической концепции существования страны не как территории, а как сплоченной обособленной нации, общности в рамках нового самостоятельного государства Украина, — не существует. Исчезновение «руководящей и направляющей роли партии» и самоликвидация единого, еще вчера казалось бы «нерушимого» Советского Союза поставили новорожденную демократию перед необходимостью поиска и формирования новой, объединявшей все разнородные по своему национальному, конфессиональному и языковому составу регионы в единую нацию, идеологии. В рамках развития данного процесса на первый план выдвинулись представители самых западных областей Украины, которые предложили концепт формирования страны как национального государства, став неким локомотивом, тянущим, по выражению исследователя вопроса Д. Олифира, «за собой все остальные регионы на путь “самостийности” и “незалежности”, соблюдая при этом ориентацию на страны ЕС и подчинение населения юго-востока» [5, с. 70].

Национал-демократы западных областей страны с опорой на Киев только так видели создание новой, скрепляющей всех жителей страны, национальной идеи. В то же время восточная и южная Украина вообще оказались неспособны представить собственный идеологический проект. Таким образом, вместо того, чтобы попытаться выработать консолидирующую всех украинцев национальную идеологию, новая украинская элита стала внедрять уже готовую националистическую концепцию запада Украины, достаточно быстро превратив ее в целостный культурно-идеологический проект. Адепты данного направления активно занялись переписыванием украинской истории, возрождением этнокультурных традиций и, когда требовалось, их изобретением. При этом разработчиков новой национальной концепции, как ни странно, совершенно не смущал тот факт, что Украина как состоявшееся суверенное государство, консолидировавшее в своих границах всех украинцев, никогда ранее не существовала.

Парадоксальность ситуации состояла в том, что выходцы из западных областей не имели ни теоретических знаний, ни практического опыта в государственном строительстве, а основные командные посты в руководстве экономики, финансах и политике продолжали оставаться в руках бывших представителей коммунистической партии — в основном выходцев с востока. В этих условиях западу «на откуп» была отдана сфера идеологии и культуры. В результате собственная аутентичная этноистория

западных регионов становилась альтернативой советской концепции истории Украины, а предложенные ею парадигмы и трактовки событий, процессов, выдающихся деятелей, даже историческая символика оказались стержнем политических, идеологических и культурных матриц национально-государственного строительства.

В политической сфере это проявилось в процессе быстрой кристаллизации идеи «соборности» украинских земель и украинцев в мире, которая означала объединение всей национальной территории в рамках единой украинской государственности и социальную сплоченность украинцев. Историческими «инициаторами» единения были названы Киевская Русь, государство Богдана Хмельницкого (гетман Войска Запорожского в 1648–1657 гг.) и Украинская Народная Республика (1917–1920 гг.) [6, с. 211]. Интересно в этой связи отметить, что одним из важнейших общеукраинских мифов стал миф о «Злуке» (подписание 22 января 1919 г. документа, провозгласившего объединение Украинской Народной Республики и Западноукраинской Народной Республики) [7, с. 36–37]. В реальности же «соборная Украина» варианта конца XX в. являлась ничем иным, как конгломератом и конструктором регионов, имевших различные этнические, языковые, культурологические отличия, обусловленные искусственностью процесса территориального формирования страны [8, с. 33]. Более того, идеальной моделью «подлинной украинскости» в рамках данной парадигмы стала Галичина как настоящий оплот украинского национального движения; на втором месте оказывались остальные области западной Украины; на третьем — центральная Украина; восточная же Украина рассматривалась как нечто «неправильное».

Стоит отметить, что формирование галицийской региональной идентичности происходило под влиянием государств, в составе которых она находилась порядка семи веков — Великого княжества Литовского, Речи Посполитой, Австро-Венгрии и межвоенной Польши, причем особую роль в этом процессе сыграло пребывание Галиции в составе Австрийской (после 1867 г. Австро-Венгерской) империи. Официальная Вена проводила политику намеренного усиления польско-украинского антагонизма, что впоследствии привнесло в политическую жизнь региона дух перманентной конфронтационности, во многом поэтому по сравнению с остальными областями Украины именно здесь в гораздо большей степени региональная идентичность формировалась в русле политизации этничности. Интересно мнение исследователя С. Екельчука, который обращает внимание на то, что «парламентская монархия Габсбургов уже в XIX в. дала возможность западным украинцам принять участие в политической жизни Австро-Венгрии и, несмотря на безуслов-

ные ограничения, впитать саму возможность публичных дискуссий и осознать свои права, в то время как в Российской империи положение обстояло несколько иначе» [9, р. 61]. Действительно, по сравнению с Российской империей уровень политических свобод в Галичине был гораздо выше, что в дальнейшем сделало Западную Украину центром притяжения для украинского национального движения со своими «героями» в лице Бандеры и Шухевича. Несмотря на факт ее включения в состав Советского Союза в сентябре 1939 г., население Галиции отказывалось воспринимать СССР как свою родину, поэтому «галичан скорее можно отнести к европейскому, а не евразийскому пространству. Ее жителям всегда были ближе западные, а не российские ценности и образ жизни» [10, с. 176].

Понимание национальной идеи в ее западно-украинском варианте оказалось неразрывно связано с концепцией унитарности, закрепленной в конституции Украины 1996 г. Унитарное устройство совершенно не учитывало всю специфику историко-культурного наследия регионов, причем это касалось не только вопросов языка, истории, религии и культуры, но и несправедливого перераспределения бюджета по отношению к развитым территориям страны, в частности, к индустриальным областям востока страны. В итоге унитарный статус, подразумевавший чрезмерно высокую степень концентрации властных полномочий у центральных органов государственной власти при крайне низком привлечении местных региональных элит при принятии государственных решений в условиях межрегиональных различий, стал мощным генератором нестабильности Незалежной [5, с. 72–75].

В полном соответствии с новыми идеологемами с первых лет независимости по всей стране активно проводилась политика украинизации, затрагивавшая разнообразные сферы жизнедеятельности рядовых граждан. Особое значение приобрела проблема получения образования на родном языке, ведь, как известно, именно язык лежит в основе любой культуры и является ключевым признаком этноса.

Если на рубеже 1980–1990-х гг. число учеников русских и украинских школ в стране было приблизительно одинаковым (с небольшим перевесом в пользу русского языка), то в середине 1990-х гг. число школьников, получавших образование на русском языке, сократилось до 38%. Русские школы закрывались, особенно в столице и западных регионах, а преподавателей обязывали переводить свои предметы на украинский язык. Аналогичный процесс происходил и в сфере высшего образования. Несмотря на отсутствие соответствующих учебников и невысокий уровень развития украинского языка в отдельных научных отраслях, разрабатывались государственные программы, создавались институты, выделя-

лись бюджетные средства для внедрения преподавания исключительно на государственном языке.

Довольно быстро украинизация системы образования приобрела масштаб и плановость. К началу XXI в. в школах западной и центральной Украины, например, на русском языке обучалось лишь 3,5% учеников, а в вузах — менее 1% студентов [11, с. 45]. И это при том, что по данным официальной переписи населения в 2001 г. 30% граждан Украины (проживавших и в указанных выше регионах) считали русский родным языком [12]. Более того, многие украинцы говорили на «суржике» — смешанном диалекте украинского и русского. Согласно исследованию, проведенному в 2003 г. Киевским международным институтом социологии, почти 40% населения Украины составляли украинскоязычные украинцы, почти 30% — русскоязычные украинцы, более 15% — русскоязычные русские и более 10% — суржикоговорящие украинцы [13]. Показателен пример Киева, который на 60–70% был русскоязычным городом, но располагал к этому времени всего 7 (!) русскоязычными школами из общего числа в 436, а высших учебных заведений с обучением на русском языке в столице не существовало вовсе. Иная ситуация сложилась на юго-востоке. Там к 2004 г. почти половина школьников сохраняла возможность учиться на русском языке; здесь же были расположены основные русскоязычные вузы Украины. По меткому замечанию В. Малинковича, «сельскохозяйственные регионы центра и запада, а также Киев к началу “оранжевой революции” уже были украинизированы, индустриальная же юго-восточная часть страны еще сохраняла свою русскоязычность, но уже ощущала угрозу радикальной украинизации» [11, с. 46].

В целом, политика украинизации в сфере образования (впрочем, как и в других областях) предсказуемо привела к появлению и обострению языкового вопроса, который, в свою очередь, стал важным фактором «оранжевой революции». Русский язык по-прежнему оставался рабочим языком для половины населения страны, но сфера его использования неумолимо сокращалась. Носители русского языка не имели возможности ни получать образование на родном языке, ни реализовывать на нем свой творческий потенциал. Политическая же элита делала вид, что никакой дискриминации не существует и лишь пыталась заработать себе очки в предвыборной гонке, всячески спекулируя на тему статуса русского языка. У русскоговорящих граждан такая ситуация породила устойчивое ожидание ухудшения своего положения.

И надо сказать, у них имелись веские поводы для беспокойства. Через систему образования, причем на всех ее ступенях, новому поколению жителей Украины внедрялось неприятие всего русского. Создавалось огромное количество разнообразного

контента, в котором отражалась переписанная, искаженная история взаимоотношений двух народов. Все большее распространение в общеукраинском масштабе получали образовательные программы западных регионов, которые были основаны на книгах по истории (не учебниках), изданных в межвоенный период в Галиции или в среде украинской диаспоры, сформировавшийся в США и Канаде после Второй мировой войны во многом за счет бывших коллаборантов и националистов. Неудивительно, что среди главных «героев» в этих «трудах» оказались участвовавшие в массовых убийствах мирных жителей нацистские пособники. Речь шла о намеренной политике подмены общенациональных ценностей идеологией, символикой и героизацией лидера Организации украинских националистов С. Бандеры и командира Украинской повстанческой армии Р. Шухевича. В сознание граждан активно внедрялся образ новой независимой страны — не только части Европы, но и великой европейской державы, становлению которой мешала и продолжает мешать Россия. Это, в свою очередь, подразумевало полную поддержку западноевропейского вектора развития страны с нарочитым отрицанием общей для наших народов истории и переходом к достаточно популистским, зачастую не имевшим под собой исторических предпосылок и оторванным от реалий позициям. Решая свои политические задачи, новые руководители Незалежной совершенно не заботились ни об исторической правде, ни о все усугубляющемся непонимании между жителями одной страны, проводя политику, объективно ведущую к появлению нескольких «Украин». К середине 2000-х гг. у населения страны действительно преобладала именно местная локальная идентичность: по данным социологических опросов 44% граждан отождествляли себя прежде всего с определенной местностью или местным сообществом, 15% демонстрировали региональную идентичность и только 30% — общеукраинскую [14, с. 56–57]. Говорить о существовании единой политической, а тем более гражданской нации в этих условиях не приходилось.

Таким образом, за 13 лет, прошедших с обретения независимости до «оранжевой революции» 2004 г., на Украине так и не была сформулирована национальная идея, которая бы удовлетворила и консолидировала все основные группы населения страны, снизила бы накал противоречий по ключевым линиям напряженности, предотвратив поляризацию в обществе. В качестве безальтернативного варианта построения единой украинской нации были выбраны концепции «украинскости», «соборности», унитарности, которые активно продвигали национал-демократы и радикальные националисты из западных областей. Такая непродуманная политика оказалась неэффективной и еще больше спровоцировала об-

щественный раскол между западными и юго-восточными регионами страны, создав в последних дискомфорт для русского и русскоязычного населения [5, с. 72]. Другими словами, Украина так и не смогла консолидировать своих граждан в единую общность, составляющую основу любого государства.

В условиях общественно-политического кризиса, связанного с президентскими выборами 2004 г., эта проблема приобрела особую остроту. «Дифференциация регионов по двум основным факторам — культурным ценностями и геополитическим ориентациям, — верно отмечает И.А. Табунов, — безусловно, влияла на электоральные предпочтения украинцев на общенациональных выборах [15, с. 291–292]. Население страны оказалось расколото надвое, что наглядно продемонстрировали результаты уже первого тура голосования. Если за активно поддерживаемого США и их младшими союзниками из ЕС В. Ющенко почти во всех западных областях отдали свои голоса почти 90% населения, то пророссийский (условно) кандидат В. Янукович получил равнозначную поддержку на востоке страны [16]. При этом электораты Ющенко и Януковича больше всего различались пропорциями в их составе этнических, языковых и лингвоэтнических групп: этнических украинцев в электорате Януковича, например, было почти в 1,5 раза меньше, а доля русских почти в 7 раз больше, чем в электорате Ющенко. В целом, распределение голосов между кандидатами на высший государственный пост в наибольшей степени оказалось связанным с двумя социально-культурными характеристиками избирателей: этнической (украинцы и русские жи-

тели Украины) и, в значительно большей степени, языковой самоидентификацией (украино- и русскоязычные граждане) [17, с. 21]. В ходе стремительно набравшего обороты общественно-политического кризиса осенью–зимой 2004 г. этот фактор играл все более определяющую роль.

Конечно, у «оранжевой революции» был целый комплекс причин, от объективных социально-экономических проблем населения до реализации с помощью технологий «мягкой силы» плана приведения к власти ставленника Запада. Однако не вызывает сомнения, что нерешенная проблема региональной идентичности, включая языковой вопрос, выступила мощным триггером для радикализации до предела накаленной к этому времени ситуации, выхода ее из правового поля и де-факто осуществления государственного переворота, который, как выяснилось впоследствии, погрузил украинское государство в состояние перманентного системного кризиса.

Стоит также отметить, что после захвата власти «оранжевые» руководители Незалежной продолжили и даже форсировали украинизацию страны, сделав еще более решительную ставку на развитие «титупольной нации», проведение «правильной» политики исторической памяти, дальнейшее ограничение употребления русского языка и максимальное отдаление от России. Трагические последствия этой губительной политической линии со всей остротой проявились спустя 10 лет — в ходе «Евромайдана», победа которого на этот раз привела уже не к виртуальному, а к реальному расколу Украины, сецессии Крыма и начала гражданской войны на Донбассе.

Библиографический список

1. Наумова А.Ю. «Оранжевая революция» в Украине: монография. М., 2011.
2. Наумов А.О. «Мягкая сила», «цветные революции» и технологии смены политических режимов в начале XXI века. М., 2016.
3. Balcer A. Borders within Borderland: The Ethnic and Cultural Diversity of Ukraine // *The Maidan Uprising, Separatism and Foreign Intervention: Ukraine's Complex Transition* / Klaus Bachmann, Igor Lyubashenko, eds. Frankfurt am Main, 2014.
4. Томайчук Л.В. Регионализм и региональная идентичность в современной Украине // *Политическая экспертиза: ПОЛИТЭКС*. 2013. №1.
5. Олифир Д. Этнокультурный регионализм Украины: федерализация или раскол? // *Обозреватель–Observer*. 2014. №8.
6. Васильев В. От Киевской Руси к независимой Украине: новые концепции украинской истории // *Национальные истории в советском и постсоветском государствах* / под ред. К. Аймермахера, Г. Бордюгова. М., 1999.
7. Погребинский М., Толпыго А. Украина без Кучмы. Год оранжевой власти. Январь 2005 — март 2006 года. Киев, 2007.
8. Ряботяжев Н.В. Украина между Россией и Западом: опыт геополитического анализа // *Мировая экономика и международные отношения*. 2008. №9.
9. Yekelchuk S. *Ukraine: Birth of a Modern Nation*. Oxford, 2007.
10. Соловьев К.А. Западноукраинский национализм в контексте современных российско-украинских отношений // *Вестник Российского государственного университета*. 2013. №21.

11. Малинкович В. О причинах «оранжевой революции» в Украине // «Оранжевая революция». Украинская версия / сост. М.Б. Погребинский. М., 2005.

12. Всеукраїнський перепис населення 2001 / Державний комітет статистики України. URL: <http://2001.ukrcensus.gov.ua/> (дата обращения: 30.01.2021).

13. Хмелько В.Є. Лінгво-етнічна структура України: регіональні особливості та тенденції змін за роки незалежності // Київський міжнародний інститут соціології. URL: https://www.kiis.com.ua/materials/articles_HVE/16_linguaethnical.pdf.

14. Ковин В. Призрачный регионализм: случай Украины // Вестник Пермского университета. Политология. 2020. №1.

15. Табунов И.А. Политический регионализм и политическая элита в Украине как конфликтогенный фактор // АНИ: экономика и управление. 2016. №2(15).

16. Чергові вибори Президента України 31.10.2004 / Центральна Виборча Комісія України. URL: <https://www.cvk.gov.ua/pls/vp2004/wp0011.html>.

17. Хмелько В. Динамика рейтингов и социальный состав электорате В. Ющенко и В. Януковича в избирательной кампании 2004 г. // Вестник общественного мнения. Данные. Анализ. Дискуссии. 2005. №2(76).